

ГЛАВА 1

«НИКОГО НЕ ОСТАЛОСЬ...»

Когда Мэри Леннокс прислали к дядюшке в усадьбу Мисселтвейт, все нашли, что выглядит она просто ужасно. Так оно и было. Тщедушная, личико с кулачок, волосы редкие, тонкие и взгляд исподлобья. Волосы у нее были желтые и лицо тоже желтое, ибо родилась она в Индии и все время чем-то болела. Отец ее был служащим в английской администрации и вечно работал и хворал, а мать была красавица и только и думала что о балах и развлечениях. Ребенок ей был ни к чему. Когда Мэри родилась, она отдала ее на попечение айи, которой дали понять, что если она хочет угодить мемсахиб*, то пусть лучше не пускает девочку ей на глаза. Мэри была болезненным, капризным и некрасивым младенцем, и ее держали от матери подальше, а потом, когда она начала понемногу ходить, но оставалась такой же болезненной и капризной, ее тоже держали подальше. Сколько Мэри себя помнила, ее всегда окружали темные лица нянюшки и других слуг-туземцев, а так как они всегда ей повиновались и во всем уступали — ведь мемсахиб рассердится,

* *Мемсахиб (англо-инд.)* — почтительное обращение к англичанке, используемое слугами, буквально «госпожа». *Здесь и далее прим. ред.*

если ее потревожит плач ребенка! — то к шести годам она превратилась в отвратительную эгоистку и маленькую тиранку. Она так не понравилась молодой гувернантке-англичанке, которую наняли, чтобы научить ее читать и писать, что через три месяца та отказалась от места, а другие не выдерживали и этого срока. Если бы Мэри самой не захотелось читать книжки, она так бы никогда и не научилась грамоте.

Однажды удручающе жарким утром — Мэри уже исполнилось девять лет — она проснулась в крайне дурном расположении духа и, увидав, что возле кровати стоит не аяя, а какая-то незнакомая служанка, еще пуще рассердилась.

— А ты зачем сюда явилась? — сказала она женщине. — Ты мне не нужна. Пришли мне мою аяю.

Женщина испугалась и, запинаясь, пробормотала, что аяя прийти не может, а когда Мэри стала кричать, бить ее и пинать, та только в ужасе повторяла, что аяя прийти к мисс сахиб никак не может.

В то утро все было как-то странно. Обычный порядок нарушился, некоторые из слуг-индийцев куда-то исчезли, а те, кто оставался в доме, старались не попадаться на глаза или проскользнуть мимо, и лица у них были серые от страха. Но Мэри ничего не объясняли, и аяя не появлялась. Утро Мэри провела в одиночестве; потом побрела в сад и принялась играть под деревом возле веранды — она делала вид, будто разбивает грядку для цветов. Она втыкала в землю большие багровые цветы гибискуса, а сама между тем все больше и больше сердилась и бормотала про себя все, что выскажет Сейди, когда та вернется.

— Свинья! Свинья! И родители твои свиньи! — бормотала она, ибо назвать туземца свиньей — самое страшное оскорбление.

Сжав зубы, она снова и снова повторяла эти слова, как вдруг услышала, что на веранду вышла мать с каким-то

светловолосым молодым человеком. Они остановились, переговариваясь странными, приглушенными голосами. Мэри знала этого юношу, который походил скорее на подростка. Она слышала, что этот юный офицер недавно приехал из Англии. Мэри разглядывала его лицо, но еще внимательнее — свою мать. Она всегда любовалась ею, если представлялась возможность, ведь мемсахиб — Мэри чаще всего так ее называла — была такая высокая, стройная, красивая и так изящно одевалась! Ее шелковистые волосы вились, небольшой изящный нос был надменно вздернут, а огромные глаза смеялись. Она носила легкие, воздушные платья, которые, как говорила Мэри, были «все в кружевах». В это утро кружев, казалось, было больше обычного, но глаза ее не смеялись. Большие и испуганные, они с мольбой взирали на светловолосого юного офицера.

— Неужто это так серьезно? — спрашивала она. — Скажите мне правду, прошу вас.

— Это ужасно, — отвечал тот дрогнувшим голосом. — Ужасно, миссис Леннокс. Вам еще две недели назад следовало уехать в горы.

Мемсахиб ломала руки.

— О, знаю, знаю! — восклицала она. — Я осталась только для того, чтобы поехать на этот дурацкий прием. Какая глупость!

В тот миг со стороны хижин, где жили слуги, раздался такой громкий плач, что миссис Леннокс схватила юношу за руку, а Мэри вся задрожала. Плач становился все громче и отчаяннее.

— Что это? Что? — спросила миссис Леннокс. У нее перехватило дыхание.

— Кто-то умер, — отвечал юный офицер. — Вы не сказали, что она уже поразила ваших слуг.

— Ах, я не знала! — вскричала миссис Леннокс. — Пойдемте! Пойдемте!

Она повернулась и побежала в дом.

То, что произошло потом, было ужасно. Позже Мэри объяснили все загадки этого утра. Оказалось, что в городе разразилась страшнейшая холера и люди умирали как мухи. Ночью заболела аяя — и громкий плач, который Мэри услышала в саду, означал, что ее няня умерла. Не прошло и дня, как умерли еще трое слуг, а остальные в ужасе разбежались. Всюду царил паника, во всех домах лежали умирающие.

Второй день Мэри, всеми забытая в суете и смятении, провела у себя в детской. Никто ее не хватился, никому не было до нее дела, а она и не подозревала о том, что творилось вокруг. Она то плакала, то дремала. И знала только, что все больны, и слышала сквозь двери непонятные и страшные звуки. Один раз она прокралась в столовую: в комнате никого не было, хотя на столе еще стоял недоеденный обед, стулья и тарелки были в беспорядке, будто их торопливо отодвинули, когда обедавшие вдруг в спешке встали из-за стола. Мэри поела немного фруктов и печенья, а ощутив жажду, осушила стакан вина, стоявший на столе. Вино было сладкое — и крепкое, но она этого не знала. Скоро ее стало клонить ко сну, она вернулась в детскую и опять закрыла глаза, напуганная криками в хижинах и беготней в доме. От вина ей так хотелось спать, что глаза у нее просто слипались; она улеглась в постель и надолго забылась.

Многое произошло в те часы, что Мэри спала, однако ее не разбудили ни плач и стенания, ни шум, оттого что вносили и выносили что-то тяжелое.

Проснувшись, Мэри полежала, глядя в стену. В доме царил полнейшая тишина. Такого еще никогда не бывало. Не слышно было ни голосов, ни шагов, и Мэри подумала: может, холера уже кончилась и все опять хорошо. Интересно,

кто теперь, когда аяя умерла, будет за ней ходить, размышляла она. К ней приставят новую айю, и, может, она расскажет ей новые сказки — старые Мэри давно надоели. Она не горевала о своей няне. Она вообще ни к кому не была привязана и никого не жалела. Шум, беготня и плач об умерших ее напугали, и еще она сердилась, что о ней забыли, хотя она-то была жива. Всех охватил такой ужас, что никто и не вспомнил о девочке: ведь ее никто не любил. Холера, верно, заставила людей забыть обо всем, кроме самих себя. Но если холера кончилась и все выздоровели, теперь кто-нибудь, конечно, вспомнит про Мэри и придет за ней.

Однако никто не приходил. Мэри лежала и ждала, а в доме становилось все тише. Вдруг что-то прошуршало по циновке — Мэри глянула и увидела маленькую змейку, которая скользила мимо, следя за ней изумрудными глазами. Девочка не испугалась — змейка не причинит ей вреда, она и сама спешит поскорее спрятаться. Змейка вильнула и бесшумно скрылась под дверью. «Странно, какая кругом тишина, — подумала Мэри. — Будто в доме нет никого, кроме меня и змейки».

В ту же минуту она услышала шаги во дворе, а потом на веранде. Шаги были мужские; тихо переговариваясь, мужчины вошли в дом. Никто их не встретил, никто не окликнул; Мэри услышала, что они открывают двери и заглядывают в комнаты.

— Какая пустота! — сказал кто-то. — И эта женщина, такая красивая! И девочка, верно, тоже. Я слышал, у нее была девочка, хотя ее никто и не видел.

Спустя несколько минут дверь детской отворилась. Мэри стояла посреди комнаты, некрасивая и насупленная. Она сердилась: она была голодна, а ей ничего не несли. Первым в комнату вошел высокий офицер — когда-то она видела, как он беседовал с ее отцом. Он выглядел усталым

и озабоченным; увидав ее, он так удивился, что чуть не отпрянул в сторону.

— Барни! — закричал он. — Тут ребенок! Совершенно один! В таком-то гиблом месте! Господи, спаси и помилуй! Кто же это?

— Я Мэри Леннокс, — произнесла девочка, выпрямляясь. Ей не понравилось, что офицер назвал ее дом «гиблым местом». — Я заснула, когда разразилась холера, и только сейчас проснулась. Почему ко мне никто не идет?

— Это та самая девочка, которую никто никогда не видел! — воскликнул офицер, обернувшись к своим товарищам. — Ее здесь просто забыли!

— Как это меня забыли?! — закричала Мэри, топнув ногой. — Почему никто не идет?

Молодой человек по имени Барни грустно взглянул на нее. Мэри даже показалось, что он сморгнул слезы с глаз.

— Бедняжка! — сказал он. — Потому что никого не осталось в живых.

Так Мэри узнала — это было до того странно и неожиданно, — что у нее нет больше ни отца, ни матери, что в ту ночь они умерли и их унесли и что оставшиеся в живых слуги в ужасе бежали из дому, даже не вспомнив о «маленькой госпоже». Вот почему в доме царила такая тишина. В нем и правда не было никого, кроме нее и маленькой быстрой змейки.

ГЛАВА 2

«МИСТРИС МЭРИ»

Мэри привыкла смотреть на мать издалека и любоваться ее красотой, но она ее почти не знала, так что, когда матери не стало, конечно, не могла тосковать по ней. Она и не

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

